

FRANÇOISE
BOURDIN

*Жану Аркашу¹, с которым я разделяю
любовь к семейным ценностям,
наш уголок Нормандии,
наше прекрасное «любовное приключение»
и, главное, крепкую дружбу.*

¹ Жан Аркаш (1953 г.) — руководитель французской издательской ассоциации Place des éditeurs; входит в число двухсот крупнейших французских издателей.

1

Кейт полюбила его с первого взгляда. Скотт показался девочке самым очаровательным из молодых людей, которых ей доводилось до сих пор встречать. Настолько он не был похож на ее братьев с их резкими, грубыми подростковыми играми и неприятным мальчишеским языком, с чем ей каждый день приходилось иметь дело. Совершенно покоренная, она протянула Скотту детскую ладошку, уже предчувствуя, что он на всю жизнь останется ее единственным другом.

В тринадцать лет Кейт познала горе расставания с отцом и потеряла, как ей казалось, все жизненные ориентиры, когда приехала с матерью в имение Джиллеспи, где у нее было единственное желание — плакать, плакать без конца, что она и делала все последние месяцы. Отчим Ангус сразу же испугал ее своим пронзительным, недоверчивым взглядом, вместо того чтобы сказать ей хотя бы «Добро пожаловать!». Само же поместье и огромный особняк викторианской эпохи произвели на нее столь гнетущее впечатление, что она не представляла, как сможет провести в таком доме хотя бы одну ночь. Даже пейзаж, воистину грандиозный, внушал ей отвращение. Но мать и не думала о том, чтобы как-то поддержать,

успокоить и придать ей уверенности: она отнесла ее плач к детским глупым слезам маленькой капризной девочки и не переставала нахваливать бесчисленные преимущества будущей новой жизни.

И на самом деле их жизнь полностью изменилась. Повторный брак матери с Ангусом Джиллеспи перевернул с ног на голову прежнее существование, и радоваться тут было особенно нечему. Кейт и ее братьям пришлось расстаться со своими школами, а значит, и с друзьями, прежними привычками и занятиями, не говоря уже о парижской квартире. Огромный контейнер, отправленный в Шотландию, вместил большую часть одежды, но сколько же всего пришлось оставить: книги, игрушки, настольные игры, как оказалось, занимавшие слишком много места. Глядя в иллюминаторы самолета, уносившего их в Глазго, они со щемящим сердцем смотрели, как постепенно исчезала внизу земля родной Франции.

В Джиллеспи их ожидали только морская пена безбрежного океана, лежавшая на холмах пелена тумана да пасущиеся вдалеке отары овец. Почему мать решила похоронить себя в этих диких местах, а вместе с собой и их тоже? Любовь матери к Ангусу в глазах Кейт была невыносимой: это был высокий, массивный мужчина с суровым, будто высеченным из камня лицом. Даже смягченные облаком рыжих волос с проблесками серебряных прядей, черты лица казались грубо вытесанными долотом; зато взгляд светлых, словно вылинявших глаз был настолько пристален, что, казалось, пронзал душу насквозь. Кейт, согласно традиции, пришлось называть его «отец», что поначалу внушило ей ужас, но она покорилась, воображая, что ведь теперь и Скотта она может считать братом.

Джиллеспи представляло собой обширное угодье с раскинувшимися, насколько хватало глаз, пастбищами, необозримыми ячменными полями, урожай с которых поступал на два винокуренных завода, где производился виски — главное богатство семьи уже в течение многих поколений. И девочке долгие годы предстояло слышать бесконечные разговоры о солоде, дроблении, браге и дистилляции. Во время семейных трапез подобные разговоры за столом обычно заводил Ангус, бомбардируя Скотта самыми заковыристыми вопросами. Он редко старался что-то подсказать или помочь с ответом Скотту, хотя его иногда так и подмывало, особенно во время игры в гольф или на охоте, — тот до всего должен был додумываться сам.

С тех самых пор, как их дальний предок приобрел титул барона, купив земли, согласно шотландскому обычаю, поместье Джиллеспи процветало, и Ангус очень рассчитывал на Скотта в том, что именно на его плечи должно было лечь увековечивание славной родословной. Поэтому, разочарованный и обеспокоенный тем, что у него лишь единственный наследник, он воспитывал мальчика в большой строгости. Первая его супруга, Мэри, долго не могла забеременеть, прежде чем на свет явился долгожданный мальчик. Но роды, которые принимали, разумеется, не в больнице, а в самом поместье, оставили у женщины такое кошмарное впечатление, что, сколько бы ни упрашивал муж, на вторичный подвиг она ни за что не желала соглашаться. Хуже того, она не проявляла к новорожденному подобающей материнской любви, словно затаив на Скотта обиду за то, что он принес ей столько мук, появившись на свет. С тех пор она

делала все возможное, чтобы как можно дальше бежать от Ангуса, да и от дома тоже, проявив невиданную доселе любовь к разведению овец. И преуспела в этом. Мэри до того увеличила поголовье скота, что Ангус даже купил ей небольшую прядильную фабрику, которая производила изделия из шерсти, полученной от овец их стада. Мэри сама занималась составлением эскизов, рисовала узоры кардиганов, шарфов и шапочек, что ей очень нравилось. Уезжая из дома на фабрику ранним утром, она возвращалась домой лишь ближе к ночи. Но однажды вечером не вернулась вовсе. Машина упала в овраг, и ее искореженный остов обнаружили лишь спустя несколько дней. По свидетельству медиков, смерть оказалась мгновенной, ибо женщина была задушена раздавленными металлическими креплениями пояса безопасности.

Потрясение оказалось для Ангуса очень тяжелым. К счастью, в этом горе большую поддержку ему оказала его сестра Мойра, которая и взяла на себя все обязанности по содержанию дома, чем она занималась еще до брака Ангуса и к чему вернулась с большой радостью. В течение какого-то времени их маленькое семейство вроде бы снова обрело более-менее нормальное существование. Пока Скотт был еще ребенком, а он был очень привязан к тете Мойре, Ангус мог этим пользоваться, чтобы вернуться к привычным делам. Винокурни приносили неплохой доход, а в память о Мэри он оставил нетронутой и прядильную фабрику. Затем он решил немного расширить семейное хозяйство и приютил у себя одного из своих малоимущих кузенов — Дэвида, которого сделал управляющим, после чего стал потихоньку задумываться о втором браке. Но женщинам он доверял

мало, и ни одна из предполагаемых невест не казалась ему подходящей на роль матери семейства. Единственная, в ком он мог увидеть достойную супругу, должна была непременно оказаться горожанкой, которую притом не смутил бы переезд в Джиллеспи.

Между тем Скотт подрастал. Слишком нежное воспитание тетушки Мойры привело к тому, что он становился упрямым, строптивым и чересчур избалованным ребенком, так что в конце концов Ангус решил отправить его в пансион. Выбрал он, разумеется, высококлассное заведение, известное как строгостью дисциплины, так и хорошими результатами учебы своих питомцев. Скотт приобрел там блестящее образование, ум его получил должное развитие во многих научных дисциплинах, и, кроме того, пансион сделал его прекрасным спортсменом. Юноша отлично играл в регби, занимался верховой ездой, боксом, фехтованием и скалолазанием. Каждый раз, когда сын приезжал домой на каникулы, Ангус приобщал его к традициям семейных занятий, таким как стрижка овец или уборка ячменя. Об «интернатских» годах, проведенных в пансионе, которые иному показались бы слишком суровыми, у Скотта остались самые приятные воспоминания; юноша оставил в стороне все дурное, с чем там столкнулся, и, главное, сохранил прочную дружбу со многими из товарищей.

После окончания курса он получил право на годичный отпуск. Ангус решил предложить ему поездку на несколько месяцев в Европу, но не просто так, а с особой миссией — ознакомиться с методами работы в крупных сельскохозяйственных поместьях за пределами Великобритании. Этот глоток свободы был очень полезен мо-

лодому человеку, который только теперь наконец-то почувствовал себя истинным шотландцем, и тем не менее в Джиллеспии вернулся с удовольствием, зная, что отец ждет его, чтобы передать ему бразды правления поместьем.

Стремясь как можно лучше проявить себя и приобретенные им знания, Скотт меньше всего ожидал, что ему придется встретиться лицом к лицу с мачехой. Ибо Ангус счел за лучшее не сообщать ему до поры до времени о вторичной женитьбе. По его мнению, эта тема была слишком серьезной и личной, чтобы обсуждать ее по телефону. Он с неслыханным цинизмом заявил сыну, что приберегал этот «чудесный сюрприз» до его возвращения. Поставленный перед свершившимся фактом, Скотт почувствовал себя так, словно его окатили ледяной водой. Мачеху его звали Амели, она была француженкой, разведенкой, да к тому же обремененной четырьмя взрослыми детьми.

Трое из них — мальчики Джон, Джордж и Филип — были уже подростками, а единственная девочка тринадцати лет казалась совсем ребенком. Только она и вызвала в глазах Скотта симпатию, потому что он угадал ее полную растерянность, почти отчаяние. Зато мальчишки, которые и провели-то в доме всего несколько недель, уже неплохо устроились и вели себя так, словно это была давно завоеванная ими территория. Совершенно очевидно, что воспитание их оставляло желать лучшего, однако Ангус будто не замечал этого и ни во что не вмешивался. Он был настолько счастлив вновь обзавестись супругой, что ее «хвост» нисколько его не интересовал. Эта ребятня от другого мужчины, да еще и англичанина, заслужива-

ла лишь относительной доброжелательности, да и то из чистого уважения к Амели, но уж никак не из желания заниматься наставлением их на путь истинный.

Мойра же, казалось, была обуреваема двумя крайне противоречивыми чувствами: с одной стороны, она радовалась, что брат нашел-таки себе жену, однако с другой — не испытывала ничего, кроме неприязни, к этой незнакомой женщине, явившейся сюда со своим стадом. Она и не стала ничего скрывать, заявив Скотту, как только тот вернулся, что малышка Кейт была *обворожительной*, а вот три ее брата — *отвратительными*. В комнатах, отведенных последним, всегда стоял шум и гам, слышались звуки драки или грохот какой-то невразумительной музыки. Кейт, напротив, производила так мало шума, что ее перемещение по коридорам вообще было незаметным; нередко девочку можно было видеть застывшей в одной позе возле окна, и она казалась целиком погруженной в созерцание парка.

По правде говоря, слово «парк» применительно к окружавшему особняк саду было, пожалуй, слишком напыщенным. Ангус не питал пристрастия к красотам, находившимся рядом, и он не обращал внимания даже на цветы, которые время от времени срывала там Мойра. Его неукоснительным требованием было лишь то, чтобы газоны всегда были аккуратно подстрижены, с чем его двоюродный брат Дэвид худо-бедно справлялся при помощи шумной электрокосилки. Но, поскольку сухие ветки с больших деревьев никогда вовремя не обрезались, при каждом более-менее сильном порыве ветра они рушились вниз со страшным треском, загромождая аллеи. И тем не менее благодаря двум каменным фонтанам

и несколькими кованым скамейкам это место таило в себе некое романтическое очарование, неизменно приковывавшее взгляды Кейт. Там она обнаружила немало потаенных местечек, где при желании можно было укрыться от тирании братьев и безразличия матери. Большую часть своего первого лета в Джиллеспи девочка провела именно там, заранее пугаясь начала учебного года, которое вновь должно было бросить ее в неведомое. Втайне она писала письма отцу, хотя и не могла их переслать, поскольку не знала адреса. После развода он не давал о себе знать, а спросить у матери, как он поживает, она не решалась. Разумеется, даже это отсутствие новостей все-таки было лучше тех невообразимых ссор, предшествовавших разводу, но сердечко Кейт каждый раз больно сжималось, когда она думала об отце. Увидится ли она еще с ним? Не забудет ли он своих сыновей и особенно ее, которую часто называл «мое сокровище»? Женился ли он снова, подобно матери? Она ничего не знала и очень страдала, но открыться ей было некому. Сидя в тени деревьев или на бортике одного из фонтанов с открытой книгой на коленях, она продолжала писать бессмысленные горькие послания, в которых хотя бы изливала свое отчаяние.

Но в один из серых и холодных дней, предвещавших приход ранней осени, Скотт застал ее врасплох. На плечи юноши был наброшен свитер, в руках он держал топор, с волос по лбу стекали бисеринки пота.

— Читаешь что-нибудь интересное? — спросил он, возникнув перед ней, как привидение.

Она почувствовала, что у нее внутри все тает от благодарности к мальчику, поскольку он остановился специально ради нее, обратился к ней и улыбнулся.

— «Отверженные», французский роман.

— О! Виктор Гюго. Я вижу, ты любишь серьезные книги.

— Пока я не знаю, что буду проходить в школе по программе, потому и не понимаю, что стоит читать. Но как только начнутся занятия, похоже, мне придется больше уделять внимания английским или... шотландским авторам.

— В любом случае ты со всем отлично справишься.

— Мой отец — англичанин, — напомнила она.

Сказав это, она покраснела. Имела ли она право говорить с ним об отце? Девочка поспешила сменить тему и заинтересовалась, знает ли Скотт, в какую школу она пойдет?

— Нет, это же девичья школа.

— Ах, как хорошо! Мне так будет гораздо спокойнее. Мальчишки иногда бывают до того... невыносимы.

Она снова испугалась, что проявила неучтивость.

— Я имела в виду братьев, — уточнила она, сделав многозначительную гримасу. — Вы наверняка уже это заметили.

Она увидела, как по лицу юноши пробежала тень, но он ответил ей спокойно, размеренным тоном:

— Меня слишком долго не было дома, чтобы я мог составить себе какое-нибудь мнение о них.

— В их возрасте вы были таким же буйным?

— Да, — признался он. — Очень! Но, правда, у меня не было сестры.

— Ну так вот, теперь есть я, — произнесла она, придя в ужас от того, что сказала.

Он бросил на нее странный взгляд, кивнул и снова взял топор, который недавно положил у ее ног. Расстро-